

(16) *He reached for something to think about, anything.* [Harris]

(17) *Она отогнала эту страшную мысль.* [Гаррисон]

4.1. ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ – ЯСНОСТЬ.

(18) *И когда у меня немного прояснилось в голове, я понял, что лежу на сваленных в кучу овчинах.* [Сатклифф]

(19) *Her mind was not even as clear as it ought to be. It ran in circles.* [Armstrong]

4.2. НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ – ТЕМНОТА.

(20) *He sank in his chair, and gradually his baffled mind went dark.* [Lawrence]

(21) ... словом: лаки на всем такие – в некотором роде ума помрачение. Один швейцар уже смотрит генералиссимусом вызолоченная булава, графская физиономия... [Гоголь]

В ходе исследования были также выявлены стратегии, специфичные для русского и английского языков:

Для русского языка характерна стратегия СОЗНАНИЕ – СУЩЕСТВУЮЩИЙ ОТДЕЛЬНО ОТ ТЕЛА ОРГАНИЗМ

(22) *Он шел скоро и твердо, и хоть чувствовал, что весь изломан, но сознание было при нем.* [Достоевский]

Специфичными для английского языка являются стратегии:

1. СОЗНАНИЕ – ПРЕДМЕТ

(23) *It was difficult for Mary Ashley to keep her mind on the class.* [Sheldon]

2. ИСКАТЬ РЕШЕНИЕ – ПРОХОДИТЬ ДИСТАНЦИЮ.

(24) *He could almost see her brain going around.* [Armstrong] (5)

Литература

Апресян Ю Д. Лексическая семантика М · Наука, 1974

Вайсгербер Л Родной язык и формирование духа – М., 1993.

Уорф Б Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. I – М., 1960.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.

Новоселова А Метафорическая концептуализация сознания в русском и английском языках. Башкирский государственный педагогический университет – электронная публикация.

Р.Е. Богачёв
г. Белгород, БелГУ

Языковая картина мира как барьер при межкультурной коммуникации

При всём том множестве различных публикаций на тему межкультурной коммуникации и языковой картины мира, которое существует на сегодняшний день, всё многообразие отталкивается от двух отправных точек:

идей Гумбольдта о «национальном духе языка», и гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Второе положение подверглось сильной критике из-за своей категоричности и определённого максимализма. В этой гипотезе выделяют два основных положения: 1. Язык обуславливает способ мышления говорящего на нём народа. 2. Способ познания реального мира зависит от того, на каких языках мыслят познающие его субъекты. «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны, напротив, мир предстаёт перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть охарактеризован нашим сознанием. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе, в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определённого языкового коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка» (1).

Данная гипотеза получила поддержку и дальнейшую разработку в трудах Л. Вайсгербера, в его концепции языка как «промежуточного мира», стоящего между объективной действительностью и сознанием (2).

В исследованиях некоторых авторов гипотеза лингвистической относительности получила современное актуальное звучание. Прежде всего – в работах Д. Олфорда, Дж. Кэррола, Д. Хаймса и других авторов, в которых гипотеза Сепира-Уорфа существенным образом дополнена.

Критику данной гипотезы можно рассмотреть по Б. А. Серебренникову: 1. Источником понятий являются предметы и явления окружающего мира. Язык в данном случае является результатом отражения окружающего мира, а не движущей силой развития. 2. Язык приспособлен к особенностям физиологической организации человека, а те в свою очередь, стали результатом длительного приспособления организма к окружающему миру. 3. Неодинаковое членение внеязыкового континуума возникает в период первичной номинации. Оно объясняется неодинаковостью ассоциаций и различиями языкового материала, сохранившегося от прежних эпох (3).

Отрицательную оценку гипотезе Сепира – Уорфа дают Г. В. Колшанский, Р. М. Уайт, Р. М. Фрумкина. Таким образом, гипотеза лингвистической относительности оценивается современными учёными далеко не однозначно.

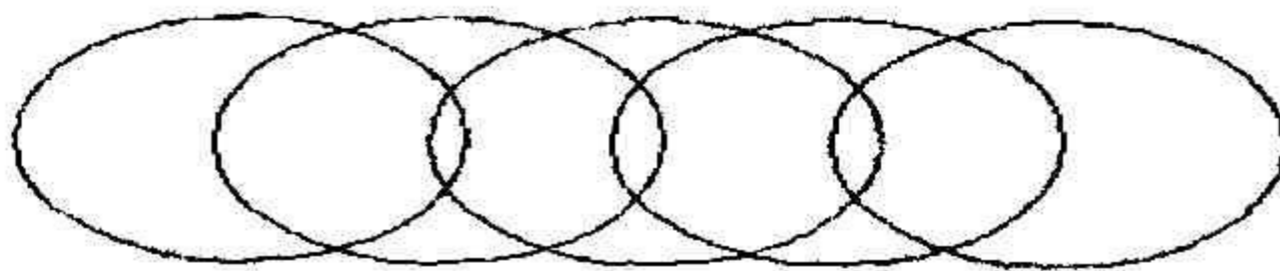
Поскольку мы в своей работе взяли гипотезу Сепира – Уорфа в качестве одного из краеугольных камней, то необходимо сказать несколько слов в её защиту.

Если человек есть мера всех вещей, вопрос только в том, с какими параметрами мы подходим к тому или иному вопросу. Нужно согласиться, что язык – это отражение окружающего мира. Но в этой системе взаимоотношений есть и третья сторона – внутренний мир человека. и здесь язык является его внешним проявлением. Здесь мы выходим на теорию Вайсгербера. Теперь представим язык функционирующей системой, а человека – её носителем. На

начальном этапе система только формировалась, и действительно являлась отражением окружающего мира. Во внутреннем мире человека в это время проходила систематизация и актуализация окружающего мира. В то же время происходило копирование сформированной системы на новые «носители». Если была пройдена определённая «критическая масса», то система становилась саморазвивающейся. В противном случае, система угасала и язык становился мёртвым. Это подтверждают и основы синергетики, где основным постулатом служит единство законов для всех систем во вселенной. И в дальнейшем получалось, что каждый новый носитель снабжался готовой «операционной системой», через которую он получал информацию, и в соответствии с которой он действовал.

Также нужно отметить что теория лингвистической относительности получает тем больше подтверждений в своей правильности, чем дальше друг от друга находятся исходные ареалы распространения языковых групп.

Представим себе такую картину:

Соседние языковые группы сильно влияют друг на друга, идут тесные языковые контакты, отсюда и достаточно чёткие соответствия между языками, как в грамматическом, так и в лексическом плане. Соседние группы «через одного» имеют достаточно много различий. Ну а крайние языковые группы – это идеализированный пример справедливости теории лингвистической относительности. В этом случае даже предметный уровень соответствия типа: «вот это стул – на нём сидят. вот это стол – за ним едят» может не сработать по причине отсутствия этих предметов в объективной действительности и соответственно их отражения в языке.

Но даже в близких и соседствующих языковых общностях различия в языковой картине мира очень существенны. Несмотря на происходящие во всём мире процессы интеграции, настоящего объединения невозможно достигнуть без унификации языка. Человек по своей природе существо социальное. Для него очень важную роль играет противопоставление «свой-чужой», а одним из самых важных определителей является язык. Практически у каждого народа есть интерпретация высказывания о том, что народ жив, пока жив его язык. До тех пор он выделяет себя по языковому признаку из общности других людей.

Любой язык представлен в двух основных формах: грамматической форме и лексическом содержании. Поэтому и различия в языковой картине мира могут быть обусловлены как объективными, так и субъективными при-

чинами. Объективной причиной может служить различие в грамматических формах, и чем их больше, тем больше несовпадений при соотнесении. К субъективным причинам относят лексическую составляющую, так как здесь всё зависит от содержания концепта. Даже очень близкие языки могут иметь большие расхождения в содержании концептов. Здесь уместно вспомнить теорию языковых гештальтов, которая была выдвинута Дж. Лакоффом. Гештальты – это особые глубинные содержательные единицы языка. Помимо реализации в языке гештальты составляют основу восприятия человеком действительности, направляют познавательные процессы, определяют специфику и характер моторных актов. (4)

Попробуем рассмотреть простой пример перевода русского предложения на английский язык. (Следует непременно уточнить, что перевод в данном случае выступает в качестве инструмента.) Такое направление перевода обусловлено тем, что мы являемся носителями русской национальной картины мира. Обратная последовательность потребует больших усилий и не гарантирует то, что мы будем правы в своём анализе, так как придётся оперировать «чужой» языковой картиной мира.

<p>«...Извините и простите меня старого старикашку и нелепую душу человеческую за то, что осмеливаюсь Вас беспокоить своим жалким письменным лепетом...» (А.П.Чехов, <i>Письмо к учёному соседу</i>)</p>	<p>“...Forgive and excuse me, as an aging oldster and a foolish fellow, for daring to trouble you with my wretched written burble...” (translated by Alex Miller and Ivy Litvinov)</p>
--	--

«Старый старикашка» (СС) превратился в “aging oldster” (АО).

Это проявление внешнего несоответствия языковых картин. Объективно невозможно передать оттенки значения, передаваемые флексией, языком, её не имеющей. Тем более, что СС в данном случае, это не масло масляное, а приём направленный на представление себя ещё более ничтожным человеком. “Aging” это в большей степени «старение» как процесс, поэтому АО это «стареющий старикашка».

Очень объёмная метафора «нелепая душа человеческая» трансформировалась в нейтральное и не слишком близким по смыслу “a foolish fellow”. Это пример внутреннего несоответствия. Здесь нет сложных суффиксов или окончаний, и каждое отдельно взятое слово имеет свой чёткий вариант в другом языке. Проблема в том, что в английском языке эти концепты не имеют общих точек пересечения. Отдельно такие слова существуют, а вместе составляют несоединимое единство.

В этом случае национальная картина мира и является тем барьером или препятствием, которое мешает установлению нормальной межкультурной коммуникации. Вроде как и кубики у нас есть, а построить что-нибудь иногда оказывается очень проблематично.

Литература

- Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку//Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. – С.174
- Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа – М., 1993.
- Серебрянников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. – М., 1983.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago; L., 1980.

Л.М. Бондарева
г. Калининград, КГУ

Автобиографический дискурс в свете гендерных исследований

Характерной особенностью современной антропоцентрически ориентированной парадигмы научного мышления является включённость в круг интерпретируемых проблем такого глобального феномена как концептуальная картина мира, в качестве релевантного конституэнта которой выступает концепт культуры, именуемый «гендером» (Connell 1993). В свою очередь две составляющие этого концепта – «мужественное/мужское» и «женственное/женское» – обладают, безусловно, как универсальными, так и культурно-специфическими чертами. Выявление гендерных стереотипов и установление гендерной асимметрии неизбежно предполагают изучение способов экспликации упомянутых концептов в номинативной системе разных языков с учётом культурно, исторически и национально обусловленного компонентов.

Благодатным объектом для подобного рода исследований могут служить, на наш взгляд, различные типы дискурса и, в частности, вызывающий в последнее время большой интерес у лингвистов автобиографический дискурс, к числу основных конституирующих признаков которого относится идентичность повествующего Я истинному автору текста воспоминаний о лично пережитом. Вполне понятно, что такой субъект автобиографического повествования аккумулирует в себе субстанциальные свойства и особенности реального субъекта творчества, неизбежно «отмеченного» в духовном и физическом плане «печатью» своего природного пола. Однако не следует при этом забывать, что представление индивидуального Эго (мужского или женского) в автобиографическом дискурсе является одновременно идеологическим конструктом конкретной исторической формации, «ансамблем социальных и политических взаимосвязей», по мнению немецкой исследовательницы литературы «автосвидетельств» М.Вагнер-Эгельхаф, и в этом смысле любая автобиография есть определённая форма технологии создания собственного Я (Wagner-Egelhaaf 2000: 98).

Говоря о гендерном аспекте в текстах автобиографий, сразу следует упомянуть тот факт, что современные этнологи, основываясь на концепции индивидуальности Гусдорфа, в качестве специфического признака подразумеваемого дискурса выделяют господствующую в нём традицию «великого